

Душа Чжан Чи покинула тело и зашаталась в воздухе.

Он видел, как толпа сгрудилась вокруг его окровавленного трупа, видел, как Цзи Хуаньлан растолкал людей, опустился на колени рядом с ним и горько зарыдал, а затем в пух и прах разругался с собственной матерью:

— С самого детства ты мной помыкала! Я люблю мужчин, а ты заставила меня жениться, разрушив жизнь мне и девице из семьи Нин. Я люблю архитектуру, а ты заставила меня изучать финансы! Всё это я еще мог стерпеть, но ты не смел трогать Чжан Чи! Я по-настоящему любил его и хотел быть с ним! Теперь у меня ничего не осталось, так что и ты потерял меня навсегда!

Выпалив это, Цзи Хуаньлан без колебаний направился в полицейский участок, больше не взглянув на истеричную Сун Цзиньсяо, оставшуюся за спиной.

Чжан Чи некуда было идти. Он видел, как его престарелые родители убивались от горя, дежуря над его телом в похоронном бюро, видел Шэнь Цюня, который пришел навестить его, хромя на одну ногу, и всего за два дня поседел!

Затем появились его закадычные друзья и товарищи по команде, а напоследок — председатель Пан. Чжан Чи не мог разобрать его выражения лица, потому что почувствовал, что становится всё более прозрачным. Какое-то неведомое магнитное поле притянуло его, перед глазами внезапно вспыхнул яркий свет, а следом накатила острая головная боль. Он потерял сознание!

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Чжан Чи снова пришел в себя. Голова по-прежнему сильно болела. С трудом повернув шею, он огляделся: незнакомая комната, очень тесная, почти без мебели. Глаза зацепились лишь за старый стол да поломанный стул, спинка которого была обмотана проволокой. Стоявший рядом шкаф для посуды испускал тусклый свет — судя по всему, вещь была весьма старомодная. На окнах висели выстиранные добела занавески.

Он приподнял руку, намереваясь встать, но вдруг замер в оцепенении. Это были не его руки: худые, почерневшие, сплошь покрытые цыпками и множеством мелких порезов.

Ошеломленный, Чжан Чи откинул маленькое одеяло и опустил взгляд: пара коротких худеньких ножек в штанах из денима с заплатками. Штанины казались слишком широкими, отчего ноги выглядели еще более тонкими и слабыми. Зеркала в комнате не было, так что он понятия не имел, во что превратился. Неужели, как в той книге, которую читал Шань Чжо, его душа переселилась в другое тело?

Голова раскалывалась от боли. Дотронувшись рукой до ушибленного места, Чжан Чи ощутил большую шишку. Шатаясь, он побрел к выходу. Дверь была приоткрыта; он протянул руку, чтобы взяться за ручку, но ее толкнули снаружи.

На пороге стоял мужчина средних лет — опустившийся, худой, с воспаленными от красноты белками глаз и свирепым, крайне раздраженным выражением лица. От него повеяло легким табачным перегаром. Чжан Чи слегка затошнило, он отступил на шаг и вежливо поинтересовался:

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста, где я? Вы не знаете, как я здесь оказался?

Стоявший на пороге замер с рукой на двери. Он ошеломленно уставился на Чжан Чи, с ног до головы оглядывая его, а затем разразился трехэтажной руганью:

— Мать твою, отца родного перестал узнавать?! Не думай, что раз тебя пару раз похвалили, так ты сможешь ускользнуть из моих рук! Забудь свои мечты заняться пинг-понгом, я на это не согласен. Твой удел — ковыряться в земле в родной деревне! Проваливай, не стой у меня на дороге. Проснулся — марш за работу, и чтоб не смел лодырничать! В следующий раз за пробитую голову не отделаешься: я тебе собачьи ноги переломая, посмотрим, побежишь ли еще куда!

Чжан Чи растерялся от потока ругани. В его прошлой жизни семья, хоть и жила бедно, была дружной, а родители души в нем не чаяли. В одиннадцать лет, когда он представлял школу на провинциальном товарищеском турнире по пинг-понгу, его заметил тренер из провинциальной сборной и предложил записаться на отбор перспективных игроков. В случае успеха у него появлялся шанс стать профессиональным спортсменом. С одной стороны, это облегчило бы ношу родителей, с другой — он и сам безумно любил этот вид спорта. Посоветовавшись с мамой и папой, Чжан Чи согласился попытать счастья в провинциальной команде.

Отыграв неделю круговых матчей, он в итоге с блестящим результатом занял первое место в группе, вошел в начальную группу провинциальной сборной и стал маленьким игроком в пинг-понг, открыв новую главу своей жизни.

Только вот эта глава оказалась слишком короткой и, казалось, свернула совсем не туда. Опомнившись от воспоминаний, он несколько растерянно спросил:

— Ты мой отец?

Мужчина размахнулся и залепил Чжан Чи пощечину, но этого ему показалось мало, и он с размаху пнул мальчика. Худенькое тельце Чжан Чи едва ли не взлетело в воздух и врезалось в стену.

— Проваливай! Решил прикинуться, будто не знаешь меня? Задумал бросить меня и сбежать? И не мечтай, тебе век отсюда не выбраться! — раздраженно бросил мужчина, скинул обувь и завалился прямо на ту кровать, на которой только что спал Чжан Чи.

Чжан Чи скрючился от боли. Глядя на неопрятного мужчину и ощущая доносящийся от него

резкий запах немых ног, он согнулся пополам и его вырвало.

— Не хочешь огрести еще — живо убирайся на кухню!

Чжан Чи бросил на него леденящий взгляд. Мужчина словно почувствовал это: приподнявшись, он прищурившись оглядел Чжан Чи — всё тот же несчастный неудачливый вид. Отогнав недавние сомнения, он тут же рухнул обратно и захрапел.

Он привык только бить и ругать этого сына. Дети ведь всегда покорно сносят побои, и он никогда не смотрел на мальчика по-настоящему. Разумеется, он и понятия не имел, что его собственный сын уже был насмерть забит табуреткой, а в мальчишке перед ним теперь жила совсем другая душа.

Чжан Чи не хотел оставаться в одной комнате с отцом этого тела, ведь тот вовсе не любил сына, а скорее даже ненавидел. Выйдя наружу, Чжан Чи прикрыл за собой дверь.

Пейзаж за дверью заставил Чжан Чи снова лишиться дар речи. Неужели это Лёссовое плато? Оглянувшись на свое жилище, он понял, что живет в яме-пещере — местном полуподземном жилище. В прежнем мире родина этого тела принадлежала провинции Шэньси? Как ни старался, он ничего не мог вспомнить: истинный хозяин тела действительно страдал амнезией.

Чжан Чи стоял перед дверью. Небо было серым, сумерки сгущались. По привычке подняв руку, чтобы посмотреть время, он вспомнил, что больше не тот прежний Чжан Чи. Судя по всему, было около шести вечера.

Оглядевшись вокруг, он заметил, что у этого двора нет забора, и медленно побрел вперед. Хоть дом и мал, но в нем было всё необходимое: он увидел знакомый каменный каток для зерна, которым, должно быть, молотили урожай.

За ним располагался огороженный заборчиком огород. На грядках зеленели редиска, пекинская капуста, а кусты красного перца уже сбросили листья, и лишь несколько одиноких стручков торчали вверх. Он разглядел и посадки тыквы, но их плети уже засохли. Вплотную к огороду примыкал загон для овец; беглым взглядом Чжан Чи насчитал там с десятков коз и больше двух десятков дворовых кур.

Рядом с загонем возвышался навес для сена, а поодаль, одиноко притупившись к нему, стояла яблоня. Обойдя всё вокруг и обнаружив овощи, фрукты, овец и кур, Чжан Чи немного расслабился. Ситуация не самая худшая — по крайней мере, он не остался с пустыми руками. Если как следует вести хозяйство, этого вполне хватит, чтобы набить желудок, а уж потом можно подумать и о будущем. В прежний мир ему путь заказан: от него, должно быть, осталась лишь горстка пепла.

смирненно вздохнув, Чжан Чи подумал: раз уж попал сюда, придется плыть по течению. Начать стоит с того, чтобы разобраться, кто он такой.

Приняв решение, Чжан Чи направился наружу в надежде встретить кого-нибудь знакомого. Ему кровь из носу нужно было узнать, как его зовут, сколько ему лет, ходит ли он в школу или занимается чем-то еще.

Шагая по неровной грунтовой дороге, Чжан Чи медленно продвигался вперед. Его дом стоял в невероятной глуши: пройдя с десятков минут, он не встретил ни единой живой души — ни мухи, ни кошки, ни собаки. Неужели хозяин тела жил в полной изоляции? С легкой грустью подумал Чжан Чи. Бедняга парень был поистине жалок: с самого пробуждения, не считая этого кровного родственника, он не видел ни единого близкого человека.

Да уж, в таком крошечном домике сколько людей поместится? По телевизору говорили, что у них кухонная плита соединена с лежанкой-кан, почему же в его доме всё устроено иначе, а кухня вынесена отдельно? Он даже забыл заглянуть на кухню — а вдруг там есть вода? В здешних местах должен же быть водопровод! Из-за отсутствия зеркал и воды он до сих пор не знал, как выглядит.

Совсем стемнело. Нагорье в ночной мгле обладало какой-то суровой красотой, веющей незнакомым, первобытным запустением. Пришлось возвращаться домой — в обитель, где его ждали лишь оскорбления и никакого тепла. Чжан Чи медленно побрел обратно. Он проголодался, в животе отчаянно урчало, но сил идти быстрее не было — то ли от слабости, то ли от душевного нежелания возвращаться туда. Однако деваться было некуда: сейчас он еще не мог решить, как жить дальше.

Опустив голову, он еле волочил ноги, как вдруг в нос ударил запах табака. Его резко схватили за волосы, и от боли пришлось запрокинуть голову. Перед ним возникло бледное, злобное лицо мужчины:

— Забыл приготовить еду? Чего шляешься по улице? Всё ждешь, что этот учитель Чжоу придет тебя искать? Мечтаешь бросить меня и удрать в город, как твоя бесстыдная мать? Губёшку раскатал!

Не обращая внимания на раненую голову мальчика, мужчина отвесил ему звонкую пощечину. В глазах Чжан Чи заискрились искры, к горлу подступил солоноватый вкус крови. Не сдержавшись, он открыл рот и его вырвало. В голове невыносимо шумело, перед глазами всё поплыло. Сплюнув окровавленную слюну, он рухнул лицом вниз на землю.

Чжан Чи погрузился в забытие, и в глубине его разума прозвучал тихий-тихий голосок:

— Братец Чжан Чи, братец Чжан Чи, проснись же, не спи!

— Кто ты? Почему ты в моей голове? Ты — прежняя душа этого тела?

Веки Чжан Чи казались свинцовыми, открыть их не было никакой возможности. Долго пытаюсь сопротивляться, он в конце концов оставил эти попытки.

— Да, братец, меня зовут Вэй Чи.

— Почему ты такой маленький? Неужели из-за того, что тот человек плохо к тебе относился? Можешь рассказать, что стряслось? Где я, что это за место, и почему я здесь оказался? Наши души теперь делят одно тело?

У Чжан Чи накопилось уйма вопросов!

— Не спеши, братец Чжан Чи, я всё тебе расскажу!

Обо? К багажу странных знаний прибавилось еще кое-что.

Чжан Чи заставил себя разлепить глаза. Наконец перед ним проступило знакомое лицо.

Неужели Вэй Чи был настолько на него похож? Вот почему они смогли разделить одно тело! Неужели это был мостик между двумя совершенно разными людьми из двух разных миров?

Чжан Чи остолбенел. Увидев его ошеломленный вид, Вэй Чи тихонько рассмеялся:

— Похоже, мы невероятно похожи, да? Я про это лицо.

Чжан Чи кивнул.

— Что здесь вообще происходит? — в растерянности спросил он.

— Это я нуждался в тебе и умолял прийти. Так вышло, что у тебя в другом мире тоже начались трудности, поэтому я призл тебя сюда, чтобы ты занял мое место, стал Вэй Чи и воплотил в жизнь мою мечту!

— Ты знаешь о моей жизни в другом мире? — Чжан Чи был потрясен, озадачен и не верил своим ушам.

— Моя мама родом из того мира. Только ей не повезло: она переселилась в тело омеги в период точки, и мой отец силой поставил ей метку. Всего один раз — и появилась я! Ради меня она смиренно приняла предложение руки и сердца от отца, вышла за него по настоянию бабушки, и так родился я.

Мой отец был сиротой, выросшим в детском доме. Он был мнительным, хрупким, закомплексованным. Он запрещал матери выходить из дома и, угрожая моей жизнью, держал ее взаперти! Семья моего бабушки жила небогато, но к матери они относились отлично. Случайно узнав, что отец бьет жену, бабушка пришел в ярость и попытался остановить его, но

потерявший рассудок отец в пылу драки насмерть забил деда.

Мама сошла с ума! Позже приехала полиция и увезла отца, а меня с мамой забрал комитет по делам женщин. Мне тогда было шесть лет. Два года мама провела в больнице, а когда выздоровела, вышла замуж за лечащего врача, который очень хорошо к ней относился.

На следующий год у них родился прелестный сынишка, и у меня появился младший брат!

Вэй Чи умолк, словно погрузившись в воспоминания.

— А дальше? Почему ты не остался жить с мамой? Как ты попал сюда? Что такое течка? И что значит омега?

Подавленный его долгой тишиной, Чжан Чи почувствовал тоску и беспомощность, а потому прервал его воспоминания.

— В тот год, когда мне исполнилось десять, у них родился второй ребенок, тоже мальчик, но со слабым здоровьем. Их жизнь перестала быть спокойной: начались ссоры, холодная война, а следом — домашнее насилие!

Я подслушал их перепалку: отчим говорил, что я для них обуза, и если я останусь в семье, он бросит лечение младшего сына и разведется с мамой.

В конце концов, он растил меня столько лет, так что поступил по совести. Как раз в это время односельчане связались с мамой и спросили, не хочу ли я вернуться на родину. Я согласился.

Я всегда был самостоятельным: умел и стирать, и готовить. Так я ушел от мамы и вернулся сюда. Жители деревни тоже проявили заботу: эту комнату помогли построить они. Я помогал соседям по хозяйству, а они давали мне еду.

Так прошло шесть лет, а полгода назад отец вышел из тюрьмы! Мы с ним так и жили вместе.

— А твоя мама знает?

— Сейчас она очень счастлива и каждый месяц присылает мне по двести юаней на карманные расходы! Так что всё хорошо!

Чжан Чи умолк. Если хоть кто-то один может обрести счастье, возможно, таков был выбор самого Вэй Чи!

Его лишь занимал вопрос: а каков был тот самый человек, душа которого прибыла из того же

мира, что и он сам?

— Расскажи мне об этом мире! Сейчас у меня абсолютный провал в памяти, я совершенно растерян!

— Сейчас 5046 год по звездному календарю. Отец поднял на меня руку из-за того, что меня заметил тренер по пинг-понгу из провинциальной сборной. Он решил, что у меня талант, и поскольку левшей с такой манерой игры мало, меня стоит развивать. Он хотел записать меня на спецтренировки в провинцию.

Прерванный Чжан Чи, Вэй Чи удивленно переспросил:

— Ты левша? Ты играешь левой рукой?

— Да, я левша, это не переучить! — с улыбкой ответил Вэй Чи, и при разговоре о любимом деле на его лице впервые промелькнула радостная улыбка.

— А я правша! — Чжан Чи почесал в затылке.

— Я скоро исчезну, так что дальше тебе придется справляться самому!

— Куда ты уйдешь?

Заметив, что Вэй Чи говорит об исчезновении, тот поспешно спросил:

— Я ведь уже умер. Наверное, мне так сильно хотелось встретиться с тобой, сила намерения оказалась настолько мощной, что я не растворился сразу!

У меня осталось мало времени. Послушай меня: ты ведь только что спрашивал, что такое течка и кто такой омега?

Это деление людей в этом мире. Здесь мир АБО, у людей шесть полов. Сначала деление по мужскому и женскому признаку: у мужчин три пола — мужской альфа, мужской омега и мужской бета. У женщин тоже три — женская альфа, женская омега и женский бета.

У омег на шее есть железы, которые выделяют феромоны. Раз в месяц у них случается период течки, требующий ингибиторов. У тех, кто состоит в паре, может быть временная метка — тогда период течки переживают, успокаивая себя феромонами партнера.

Альфы благодаря преимуществам своего телосложения переживают период восприимчивости один-два раза в год. Им тоже нужны ингибиторы, либо успокоение феромонами омеги-

партнера, если таковой имеется. У бет нет желез, они не чувствуют феромонов, у них не бывает периода течки или восприимчивости, феромоны на них не влияют, и ставить метки на них нельзя!

Чжан Чи слушал как зачарованный и не удержался от вопроса:

— Всего шесть полов? И как тогда ходить в туалет — куда идти? К какому полу принадлежим мы?

— Мы еще не прошли дифференцировку. В кого бы ты надеялся превратиться?

— А есть разница?

— Если дифференцируешься в альфу, то станешь опорой общества, возьмешь на себя больше ответственности и займешь важные посты. Альфы превосходят остальных как физически, так и по способностям. Если посчастливится стать альфой S-класса — это вообще нечто невероятное, вершина иерархии. Среди альф действует подавление по рангу: чем выше уровень, тем сильнее давление феромонов.

На данный момент в нашей стране всего три уровня: S, A и B! Ароматы феромонов у всех разные. Альфа может пометить омегу... ну а дальше ты сам потом узнаешь!

— А если дифференцируешься в омегу?

— Омегы относительно хрупкие, они лучше подходят для тыловой работы или канцелярских должностей.

Помеченные омеги принадлежат тому альфе, который оставил метку. В случае временной метки эффект длится неделю. Если же метка постоянная, то, если ее не свести хирургически, это на всю жизнь!

Помеченный в период течки омега легко беременеет, так что, если ты станешь омегой, обязательно береги себя и не позволяй кому попало ставить метки!

— Погодите-ка, мужчины-омегы тоже могут рожать детей? Если я стану омегой и меня пометят, я тоже могу...?

— Да, можешь! — с трудом сдерживая смех, произнес Вэй Чи.

— Что это за метка такая?



Чжан Чи был шокирован и озадачен!

— Потом узнаешь, я и сам толком не разбираюсь.

— Как ты вообще увлекся пинг-понгом? — с любопытством спросил Чжан Чи!

— У нас это называется настольным теннисом. Я даже представлял наш уезд на товарищеском турнире в провинции! Именно тогда тренер из сборной приметил меня и решил, что у меня есть потенциал. Он хотел, чтобы я поехал на спецтренировки в провинциальную команду, а если повезет — попал бы в самую сборную, а оттуда и в национальную команду.

Я так загорелся, хотел поехать! Во-первых, это облегчило бы ношу семьи, а во-вторых, у меня появилось бы место, куда можно податься, и я смог бы жить независимо, ни от кого не завися.

Чжан Чи подумал о том, как похожи их судьбы. Неужели именно поэтому он смог преодолеть время и пространство, придя сюда ради него?

Чжан Чи: новое начало

— Тот человек не захотел отпускать тебя и распустил руки, верно?

— Да. Он ударил меня по голове стуком стула, моя душа вылетела наружу, пробила пространственно-временной барьер, перенеслась в прошлое, встретила тебя и притащила сюда!

— Какое совпадение: в тот момент меня сбила машина.

Смиренно улыбнувшись, произнес Чжан Чи.

— Это не совпадение. У меня есть браслет. Мама говорила, что его оставил дедушка, который выпросил его в храме, когда я был совсем маленьким, чтобы он оберегал меня от бед! Когда поправишься и пойдешь в школу, достань его и посмотри: не один ли он в один с твоим.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть браслет?

— Я возвращался туда еще раз и видел, как папа с мамой разбирали твои вещи. Браслет был там! Я сам видел!

— Как они там? — спросил Чжан Чи и тут же пожалел об этом. Чего глупости спрашивать? Им сейчас наверняка хуже некуда!

— Они очень постарели. Но здоровье пока держится. Времени у меня совсем не осталось.

Вэй Чи становился всё более прозрачным. Ему было невыносимо жаль их обоих: почему их судьбы сложились так несчастно? Чжан Чи не мог вымолвить ни слова, голос предательски дрожал:

— Неужели нельзя остаться? Я помогу воплотить твою мечту в жизнь.

— Я так устал жить, мне хочется отдохнуть. Давай напоследок я расскажу тебе об этом мире, чтобы ты не тыкался тут слепым котенком!

Сейчас в этом мире шестнадцать стран, то есть шестнадцать независимых маленьких планет: Яоюэ, Хэянь, Звезда Юэлю, Ханьхай, Звезда Гуаньянь, Звезда Галактики Аполлон, Чэньсин, Люгуан, Байюй, Безымянная звезда, Кайян, Цзеши, Поцзюнь, Звезда Цзянсин, Звезда Ангела и Цзигуан.

У Чжан Чи отвисла челюсть, мысленно он принялся ругаться: какому же гению пришло в голову давать такие чумовые названия?

Планы, на которой мы живем, называется Звезда Ханьхай, но мы привыкли называть ее просто страной Z.

На ней двенадцать провинций: Ханьхай Цзи, провинция Ханьхай-Ляо, провинция Ханьхай-Цзинь, провинция Ханьхай-Юй, провинция Ханьхай-Цин, провинция Ханьхай-Нань, провинция Ханьхай-Чуань, провинция Ханьхай-Мин, провинция Ханьхай-Вань, провинция Ханьхай-Бинь, провинция Ханьхай-Лань и провинция Ханьхай-Хэ.

Наша провинция называется провинция Ханьхай-Лань, а это место зовется деревня Нангоули, посёлок Наньцяо, уезд Наньмин, город Сипин, провинция Ханьхай-Лань. Наша школа называется Комплексная школа посёлка Наньцяо, в ней три учебных корпуса, но территория маленькая, а учеников немного — те, у кого есть возможность, уезжают учиться в город!

— В мире всего шестнадцать планет, а на нашей Звезде Ханьхай — только двенадцать провинций?

Мозг Чжан Чи замкнуло. Для него это оказалось слишком сложно для восприятия: этот мир даже нельзя назвать параллельным, он походил на совершенно новую, неизведанную реальность!

— Ага. Жители других стран выглядят иначе — и телосложением, и лицами! Но китайский язык у нас общий язык общения, так что можешь не переживать, при встрече сразу поймете друг друга.

— Ты и впрямь так сильно любишь пинг-понг? — поинтересовался у Вэй Чи Чжан Чи.

— Люблю. Когда я играю, это самые счастливые мгновения в моей жизни! Моя мечта — добиться успехов в настольном теннисе, как Юй Сюаньюй, завоевать одиночные титулы на трех главных турнирах и стать обладателем Большого шлема.

В глазах Вэй Чи загорелся свет — свет восхищения и стремления!

Взгляд Вэй Чи тронул Чжан Чи до глубины души. Он подумал: пусть мир непрерывно меняется, к счастью, настольный теннис по-прежнему остается национальным видом спорта, пусть теперь его и зовут иначе. Раз уж это мечта Вэй Чи, а теперь и его собственная, он обязан сделать ее явью!

— У каждой страны есть своя сборная. Олимпийские игры, чемпионат мира, Кубок мира — каждый год крупные соревнования проходят в разных странах и городах. В стране Z проводятся и свои внутренние турниры: Всекитайские игры, чемпионат страны и Суперлига по настольному теннису. Чтобы выбиться в люди, тебе нужно во что бы то ни стало отсюда выбраться — особенно от этого так называемого кровного родственника.

— Кроме мамы, у нас больше не осталось родных?

— Больше никого. Отец ведь тоже сирота, разве что его собственные родственники когда-нибудь найдутся. Со стороны мамы: после смерти бабушки вскоре от сильнейшей скорби скончалась и бабушка. У них была всего одна дочь — моя мама, так что родственников у нас маловато!

— Как зовут твою маму? Если я захочу уйти отсюда, мне понадобится ее помощь: в конце концов, мы еще малы, и во многих делах требуется участие опекуна!

— Маму зовут Ши Шэн, это имя дал ей дедушка. А в том мире, как она мне однажды рассказывала, ее звали Лу Чжаому.

Услышав названное имя, Чжан Чи слегка погрузтел. У него была преданная фанатка по имени Лу Чжаому — именно она с таким трудом монтировала те сборники лучших моментов. Чжан Чи помнил ее ролики, она фиксировала его игру с самых первых соревнований!

Но тот привычный мир навсегда остался в прошлом, и теперь ему предстояло в этом теле завершить их общие цели.

В сознании фигура Вэй Чи становилась всё прозрачнее. Чжан Чи знал: тот действительно уходит навсегда.

— Что еще ты хочешь мне сказать? Быть может, у тебя осталось неисполненное желание? Я

сделаю всё возможное, чтобы исполнить его, только скажи.

— Достань для меня автограф Юй Сюаньюя! А если получится сразиться с ним плечом к плечу на арене — будет еще лучше. Впрочем, вряд ли: в этом году он уже уходит из спорта. Зато, когда мы подрастем и сможем выступать на крупных турнирах, он вполне может стать нашим тренером. И позаботься о тех курах и козах во дворе: я с таким трудом их вырастил, они еще пригодятся, чтобы поправить твоё здоровье.

Вэй Чи, казалось, улыбнулся, но Чжан Чи уже почти ничего не видел. Душа Вэй Чи растворялась, сознание самого Чжан Чи затуманивалось. Наконец вспыхнула белая вспышка — Вэй Чи исчез.

Чжан Чи медленно пришел в себя. В голове воцарилась абсолютная ясность, душа больше не парила в неопределенности.

В этот миг они слились воедино. Восемьдесятлетний... то есть восемнадцатилетний юный триумфатор молодежных турниров, обладатель Большого шлема Чжан Чи в новом мире стал Вэй Чи. Ему предстояло писать свою жизнь заново — и от имени Чжан Чи, и от имени Вэй Чи.

В голове непрестанно звучали последние слова Вэй Чи: «Брат Чжан Чи, ты должен жить для себя. И Вэй Чи, и Чжан Чи — это ты сам. Если можешь, пожалуйста, продолжай жить как Чжан Чи. Ты — это ты, тебе не нужно становиться кем-то другим. Брат Чжан Чи, прощай, береги себя!»

Он снова очнулся на той же кровати, совсем один. Лицо саднило, голова раскалывалась, во всем теле ощущалась жуткая ломота, а от въедливого запаха табачного дыма его душил кашель, от которого в груди разливалась глухая боль.

Нельзя больше лежать, нужно вставать и двигаться. Все показатели этого тела отчаянно плохи, физическая форма хуже некуда. В нынешнем положении рассчитывать приходится только на себя.

Чжан Чи медленно приподнялся, от боли его лицо исказилось. Мысль провести чёткую черту между собой и этим человеком укрепились в его сердце ещё сильнее. Терпеть побои и голод каждый день, прислуживая ему за едой и питьём — такую жизнь он не намерен выносить ни единого дня.

До начала занятий в школе оставалось полмесяца. Он должен использовать это время, чтобы как следует привести себя в форму. О каком-либо инвентаре нечего и думать, всё, что ему доступно — это бег, простая разминка, прыжки. А когда тело привыкнет, можно будет увеличить нагрузку!

Чжан Чи с досадой покачал головой, вспоминая прочитанные младшей кузиной романы о попаданцах: у главных героев непременно есть читы, системы, способность читать мысли или

невероятное происхождение, деньги, красота и статус. В худшем случае они оказываются внебрачными детьми богачей, чьей-то первой любовью или великими мастерами. Почему же ему достались лишь отец-уголовник, сбежавшая и вышедшая замуж мать и изнурённый, сломленный он сам?

Чжан Чи толкнул дверь и вышел наружу. Навстречу ему хлынул ледяной ветер, оборвав его бессмысленные жалобы.

Лучше ступать по земле твердо и двигаться вперёд шаг за шагом. Он верил, что каждая пройденная дорога оставляет след.

Дать отпор, не поддаваться угрозам.

Прежде всего предстояло решить проблему голода. Превозмогая холод, Чжан Чи с трудом доплелся до обветшалой кухни. По его воспоминаниям, пещеры-яодуны всегда славилась теплом, почему же в их доме так леденяще холодно?

Он слегка толкнул кухонную дверь, и та со скрипом отворилась, открывая взгляду внутреннее убранство.

Впрочем, никакого убранства здесь почти не было. Стояла покрытая пылью печь, а рядом с ней — грубо сколоченный разделочный стол, на котором лежали приправы, две пары палочек для еды и четыре пиалы.

К его удивлению, здесь имелся водопроводный кран, так что о воде беспокоиться не придется. Опустив взгляд, он открыл стоявший внизу шкаф: внутри обнаружились пакет муки, полпакета пшена и небольшая пластиковая корзинка с семью деревенскими яйцами, а также несколько пластиковых тазов, которые вполне сгодятся, чтобы мыть и складывать овощи. Судя по всему, за всё время его беспамятства этот человек так и не появлялся дома. Впрочем, Чжан Чи изначально не питал к нему никаких иллюзий — уже хорошо, что его не выставили замерзать на улицу. Возможно, тот просто хотел держать его на грани жизни и смерти, чтобы и дальше истязать, ведь ему наверняка хотелось, чтобы они вместе тонули в страданиях и жили в грязи.

Раз еда есть, уже неплохо. Чжан Чи был рад, что в прошлом привык помогать родителям по хозяйству, и вся эта кухонная рутина казалась ему пустяком.

Он быстро взбодрился, зачерпнул воды в пластиковый таз и после долгих поисков отыскал какую-то тряпку. Никаких моющих средств не нашлось, но Чжан Чи рассуждал философски: чистота — залог здоровья, а грязь желудка не испортит. Успокоившись, он принялся за уборку. Чжан Чи от природы не отличался разговорчивостью, его нрав всегда был холодным, а общение с Вэй Чи и так превышало все привычные лимиты, поэтому он молча делал свою работу и вовсе не чувствовал себя одиноким.

Внезапно он вспомнил, что сейчас у него нет телефона, а настенных часов в доме не

наблюдалось, так что узнать время можно разве что по движению солнца от восхода до заката. Хотя Чжан Чи не любил залипать в телефоне, а тренировки занимали большую часть времени и редко оставляли досуг, это вовсе не значило, что гаджет ему совсем не нужен. Заработать денег на телефон тоже следовало внести в список обязательных планов. О Вэй Чи он знал слишком мало: если бы удалось унаследовать его память, он смог бы узнать, что тот любил и с кем дружил, а также поддержать эти связи. Кроме того, оставался тот самый учитель Чжоу, приглашавший его на просмотр в провинциальный центр, — эту возможность нельзя упускать, и после начала учебы нужно будет первым делом расспросить о нем директора.

Говорят, любое дело трудно лишь в начале, но стоит сделать первый смешной шаг, как дальше все пойдет на лад. В конце концов, психологически он уже взрослый человек, да и какая-никакая база у него за плечами имелась.

Вот только Вэй Чи был левшой, в отличие от него самого, так что в будущем придется постепенно переучиваться. Оставалось надеяться, что законы этого мира не отличаются от прежнего. Размышляя об этом и продолжая уборку, Чжан Чи даже не заметил, как вернулся тот мужчина. Когда вокруг него разлился знакомый запах табака, Чжан Чи резко пришел в себя. Мужчина вернулся. В нем жило врожденное, на уровне инстинктов, страх перед этим запахом: пусть душа сменилась, но телесные рефлексy не обманешь — его тело до дрожи в глубине души боялось своего так называемого отца.

Он ведь даже не знал его имени, совсем забыл спросить у Вэй Чи.

Шелудивый щенок еще довольно быстро очухался, думал уж, ты совсем сдох. Раз не помер и не калека — можешь подниматься и работать. Как поешь, ступай косить траву для овец да покорми курей, и чтоб мне безделья не смело быть.

Знаю.

Приготовишь еду и принесешь мне в комнату. Завтра выкопай до конца тот яодун рядом, проруби ход на кухню. Как закончешь и выложишь мне канг, так сразу сюда и переселюсь, не придется больше на полу валяться.

С этими словами мужчина, смачно чмокнув губами, ушел к себе в комнату спать. Чжан Чи невозмутимо завершил уборку. Глядя на посвежевшую кухню, он почувствовал некоторое облегчение: всё-таки не прикасался к плите года четыре, так что небольшое волнение оставалось. Погода стояла холодная, поэтому он решил сварить лапшу.

Замесить тесто оказалось непросто. Прежде он никогда этим не занимался и не раз выслушивал упреки матери. Придется обойтись только мукой да солью, сварить как-нибудь на скорую руку. Для теста Чжан Чи отсыпал немного муки, половину залил холодной водой, помешивая палочками до хлопьев, а вторую часть — теплой водой, после чего соединил всё вместе и тщательно вымесил. Когда поверхность теста стала достаточно гладкой, он накрыл его тряпкой, чтобы оно отдохнуло.

Воспользовавшись паузой, он сходил на огород, выдернул редьку и пекинскую капусту, сорвал несколько перчиков, а перед уходом заметил зеленый лук и тоже срезал пару перышек.

Он помнил, как в детстве мама готовила ему лапшу с обжаренными овощами на масле — как раз с редькой, ведь мяса в те годы почти не видели. Спасибо суровым условиям прошлого: попав сюда, он адаптировался очень быстро. Несколько лет в провинциальной сборной выдались тяжелыми, без особых результатов, но в профессиональном спорте слабость — это главный грех!

Он ловко вымыл овощи, принялся шинковать редьку и зелень. Раз уж нужно восстанавливать силы, он решил разбить в кастрюлю два яйца: лапша с яйцом-пашот. От одной этой мысли желудок предательски заурчал — после суток в чужом теле он еще крошки во рту не держал.

С некоторым неумением вымешивая тесто и вспоминая, как это делала у разделочной доски мама, он раскатал гладкий ком в тонкий пласт и нарезал лапшу. Затем сполоснул котел, развел огонь, обжарил редьку с маслом, добавил воды — все действия шли четко и последовательно, по крайней мере, кипящим маслом он не обжегся.

Закинул лапшу, разбил яйца, бросил капустные листья и, наконец, разложил всё по пиалам. Глядя на вполне аппетитную лапшу, источающую приятный аромат, Чжан Чи испытал редкое чувство глубокого удовлетворения.

Одну миску он отнес спящему мужчине, поставил на стол, бросил короткое: еда готова — и повернулся на выход. Наевшись, предстояло браться за работу: нужно как можно скорее выкопать соседний яодун, чтобы у него наконец появилась собственная комната. Чжан Чи уже был готов к тому, что мужчина станет игнорировать его или придирается — в конце концов, это отец его нынешнего тела, он выполнит свой долг, но не более того. Большого тот не заслужил, ведь именно этот человек косвенно погубил Вэй Чи.

Однако, когда мужчина с размаху пнул кухонную дверь и принялся орать, что порция слишком мала, Чжан Чи все же почувствовал горечь за Вэй Чи — как ему угораздило родиться у столь безответственного отца?

В казане еще полно, я оставил всё тебе. В следующий раз говори нормально, без криков и рукоприкладства.

Чжан Чи не поднимал головы, до побеления в костяшках сжимая палочки для еды, и произнес эти слова в тишину!

Голос у тебя прорезался? Смеешь мне условия ставить? Мало получал, да?

С этими словами мужчина наотмашь швырнул в его сторону первое попавшееся под руку орудие. Чжан Чи успел увернуться, и кухонный стол раскололся надвое — это был топор. Страшно представить, что случилось бы, притись удар он в цель.

Прижимая к груди неполную миску с лапшой, Чжан Чи холодным взглядом посмотрел на мужчину. В его глазах читалась невиданная доселе жесткость. Мужчина и сам не ожидал, что схватит топор, и теперь слегка испугался. Пусть он ненавидел этого сына, но тот все же был его плотью и кровью, он хотел лишь истязать его, вымещая на мальчишке всю злость на сбежавшую жену.

Шрамы на теле Чжан Чи лучше любых слов говорили о том, что побои с детства были привычным делом.

Я сказал: руки распускать не смей. Это в последний раз. Я просто хочу нормально жить, а ради выживания я пойду на что угодно. Не веришь — проверь. Я могу отравить тебя или поджечь дом, пока ты спишь. Думаешь, ты всегда сможешь отказываться от моей стряпни? Ты что, собираешься спать с открытыми глазами?

Из-за хронического недоедания у Чжан Чи еще не началась ломка голоса, да и ростом он не вышел против сверстников. Когда этот детский, еще совсем хрупкий голосок произнес столь страшные угрозы, по спине мужчины пробежал холодок. Особенно жутко было смотреть в эти черные, неподвижные глаза ребенка. Он оцепенел от страха, неужели его, взрослого мужика, запугал собственный сопляк?

Угрожать удумал, кишка тонка! Ладно, сегодня настроение хорошее, спорить с тобой не стану. Жри давай и маршируй работать, мать твою, обуза проклятая!

Бормоча проклятия, мужчина направился к плите, беззастенчиво перевалил всю оставшуюся в казане лапшу себе в миску и, не удостоив Чжан Чи ни единым взглядом, вышел из кухни.

Чжан Чи понял: теперь у него будет передышка и относительное спокойствие.

<http://bllate.org/book/22252/2327813>